

На праздничном банкете Сян Хань с улыбкой спросил Ло Бая о том, что он пережил за последние годы. На самом деле он хотел узнать, удалось ли ему найти необходимые продукты.

Теперь Ло Бай был достаточно уверен в себе и не боялся встречаться с министрами. Повествуя о своем опыте, он говорил просто и легко, рассказывая множество забавных случаев и приключений, вызывая изумленные возгласы министров.

Сян Хань бывал в море, его не так легко было потрясти, как министров, удивлявшихся по пустякам, но он улыбался, будто слушал очень внимательно.

Чжао Цзэ в одиночестве заливал тоску вином, держась в стороне от шума, как будто его исключили из общего веселья. Время от времени он поднимал голову, чтобы увидеть, как маленький император улыбается Ло Баю, и его сердце невольно сжималось. Когда он привел свою армию к победе, он не помнил, чтобы его величество так серьезно расспрашивал его о том, что он пережил.

После банкета Сян Хань оставил Ло Бая во дворце, сказав, что желает всю ночь вести с ним долгие беседы.

Когда Чжао Цзэ услышал это, ему стало невыносимо. Подавленный он вернулся домой и выпил еще вина. На следующий день он отправился на утреннюю аудиенцию у императора с головной болью.

Он и министры долго прождали в зале, но им сообщили, что маленькому императору нездоровится и сегодня аудиенции не будет.

Сян Хань не был особо прилежным императором, временами он отлынивал от своих обязанностей и пропускал аудиенции. Министры давно к этому привыкли и не придавали особого значения. Спустя некоторое время они разошлись.

Однако у Чжао Цзэ давило в груди. Ло Бай вернулся вчера, да еще и остался во дворце. Его величество был так внимателен к нему, неужели они...

Он не мог не думать об этом. Покинув главный зал, он непонятно как оказался во внутренних императорских покоях.

Молодой старший евнух торопливо вышел вперед, останавливая его с несколько смущенным выражением лица.

— Господин Чжао, его величество только что отправился отдыхать.

Сян Хань только что закончил обсуждение рецептов и методов посадки с Ло Баем и собирался отдохнуть. Услышав шум снаружи, он спросил:

— Что происходит?

Молодой евнух быстро доложил:

— Довожу до сведения его величества, сановник Чжао добивается приема.

Чжао Цзэ? Что-то важное, раз он пришел к нему во время утренней аудиенции?

Сян Хань зевнул, завернулся в одеяло, сел на императорском ложе и, прилагая усилия, чтобы взбодриться, сказал:

— Пусть войдет.

Чжао Цзэ вошел в опочивальню без приветствия, только глядя на Сян Ханя горящими глазами.

Большая часть сонливости Сян Ханя исчезла под его пылким взглядом, и он невольно спросил:

— Сановник Чжао, ты так срочно хотел нас увидеть, что-то случилось?

Чжао Цзэ все еще молчал и только смотрел на него.

— Сановник Чжао? — повторил Сян Хань.

На лице Чжао Цзэ проявилась печаль, с большим трудом он спросил:

— Ваше величество... вчера с господином Ло...

Его голос был хриплым, а когда он заговорил о вчера, его брови невольно дернулись, и он не смог договорить последние слова.

Сян Хань озадачился и с сомнением спросил:

— Что с нами и министром Ло?

Чжао Цзэ крепко зажмурился и скрепя сердце спросил:

— Его величество влюблен в господина Ло?

— Что? — ошеломленный Сян Хань чуть не захлебнулся собственной слюной.

— Чжао, сановник Чжао. Почему ты вдруг спрашиваешь об этом? Как мы можем быть влюблены в сановника Ло? И даже если у нас с ним что-то есть, ты ведь не должен о таком спрашивать, — сказал он, немного растерявшись.

Услышав его отрицание Чжао Цзэ, сначала остолбенел, но в следующий миг его печаль сменилась радостью. Он тут же решил воспользоваться возможностью и никому не отдавать маленького императора.

Не удержавшись, он шагнул вперед и тепло спросил:

— Ваше величество, вы действительно не собираетесь выбирать себе наложницу?

— Сановник Чжао, ты и правда здесь для того, чтобы уговаривать нас? — вот, оказывается, из-за чего он тут, Сян Хань нахмурился и вздохнул: — Честно говоря, сановник Чжао, мы уже решили усыновить наследника из знатного рода, так что больше не заговаривай об этом.

Сердце Чжао Цзэ мгновенно наполнилось радостью, словно он увидел проблеск надежды, и он спросил, не утерпев:

— Ваше величество, вы помните, как однажды сетовали, рассказывая верному слуге, что, возможно, останетесь одиноким до конца жизни?

— Э, пожалуй, что так... — Сян Хань отодвинулся, у него появилось нехорошее предчувствие.

Чжао Цзэ сделал еще шаг, приблизившись, присел на корточки и поднял на него взгляд, его глаза горели преданностью.

— Ваше величество, вам не придется, потому что верный слуга мечтает служить вам своим телом.

— ???

Сян Хань оторопел, ему потребовалось немало времени, чтобы прийти в себя, прежде чем он растеряно сказал:

— Нам ясно. Мы хотим спать. Обсудим этот вопрос позже, нам нужно отдохнуть...

— Ваше величество, разве вы не слышали, что только что сказал верный слуга? Верный слуга...

Сян Хань без слов поднял одеяло и накрылся им, затем сложился и стал заворачиваться в кокон.

[Девяточка, все плохо. Путь просвещенного государя и мудрого подданного вот-вот рухнет].

Немного покатавшись, он наконец успокоился.

[Не важно. Есть еще любовный путь].

[Дело в том, что мудрый сановник хочет стать фаворитом. Что делать с миссией? А кроме того, мы этого не замечали, когда Чжао Цзэ поменял сексуальные предпочтения?]

Система: [На самом деле... ночью, когда Чжао Цзэ вернулся с юго-запада, на короткое время меня подвергали цензуре].

Старший А: [Между задачей и резонансом... Я выбираю резонанс].

Сян Хань красноречиво промолчал.

Чжао Цзэ, увидев, как Сян Хань свернулся в клубок и начал вертеться, испугался, что тот задохнется, потом он испугался, что тот не сможет выбраться, поэтому встал на одно колено, он склонился над императорским ложем, останавливая «одеяло», и спросил:

— Ваше величество, вы в порядке? Вам не душно?

— Все в порядке. Мы хотим спать, ты иди, — тут же раздался голос Сян Ханя, немного приглушенный.

Когда-то этот консерватор с каменным лицом наставлял его не быть мужеложцем и теперь вдруг признался ему. Нет, он неожиданно предложил ему всего себя. Сян Хань не мог принять это сразу. Хотя как будто это не вызывало в нем отторжения, ему даже нравился Чжао Цзэ, однако все же нужно было сохранять невозмутимость.

Чжао Цзэ услышал его приглушенный голос и заволновался еще больше, прижав его сильнее. Сян Хань почувствовав препятствие, воспользовался случаем и покатился обратно, в результате Чжао Цзэ упал на него и прижал всем телом.

Придавленный Сян Хань ойкнул, ему показалось, еще чуть-чуть и он сломается пополам, он едва не разрыдался.

— Ваше величество, с вами все в порядке? — Чжао Цзэ поспешно встал и немедленно размотал маленького императора.

Сян Хань с усилием высунул голову, его волосы немного намокли от пота, он тяжело сказал:

— Ты чуть не раздавил нас.

Чжао Цзэ встал на колени у императорской постели и повинулся:

— Верный слуга был неосторожен. Пожалуйста, ваше величество, будьте снисходительны к верному слуге.

— Ты... ладно, — Сян Хань махнул императорской рукой. Ради своей миссии Сян Хань планировал спасти, оказавшиеся на грани исчезновения взаимоотношения государя и подданного.

— Сановник Чжао, когда мы обсуждали «Жизнеописание фаворита», ты говорил, что придворные, которые ищут благосклонности, полагаясь на внешний вид и лесть, плохо кончают. А когда правитель начинает благоволить фаворитам, это просто-таки бедствие для страны. Почему ты вдруг забыл об этом? Ты наш важный министр, любимый военачальник, мы не хотим, что ты все это разрушил, — грустно сказал он, его миловидное лицо стало суровым.

Губы Чжао Цзэ шевельнулись, он тихо сказал:

— Верный слуга много раз думал о том, что сказал его величество, и долгое время колебался. Но чем смотреть, как его величество милуется с кем-то другим, верный слуга предпочел бы вынести позор.

Оказывается, это взвешенное решение. Сян Хань был ошеломлен.

— По крайней мере, верный слуга целиком предан его величеству, никогда не клеветает и не льстит. Тем более, его величество сразу не отверг верного слугу и даже похоже переживает за него, возможно ли... верный слуга все еще в сердце его величества? — с этими словами он наклонился и с надеждой посмотрел на Сян Ханя.

Сян Хань все еще не находил слов.

От увиденного взгляд Чжао Цзэ наполнился теплом.

— Возможно, его величеству трудно сразу это принять, в конце концов, верный слуга пренебрег сердечной привязанностью его величества и ранил его, но сейчас верный слуга...

— Подожди, подожди! — Сян Хань тотчас же прервал его и изумленно спросил: — Когда это мы проявляли к тебе сердечную привязанность?

Чжао Цзэ немного опешил. Осознав, что маленький император не прикидывается, он невольно нахмурился и задумался. Неужели... он снова все неправильно понял?

Сян Хань тут же ухватился за эту возможность и убежденно сказал:

— Я думаю, что ты, должно быть, что-то неправильно понял. Иди и хорошенько все обдумай, не стоит совершать непоправимую ошибку. К тому же нам действительно нужно отдохнуть.

Чжао Цзэ сжал губы и наконец отступил от императорского ложа.

— Верный слуга был груб, прошу прощения у его величества.

Сян Хань напрямик сказал ему уйти, после чего упал на императорскую постель и принялся кататься. Хотя только что он без колебаний отверг Чжао Цзэ, честно говоря, чувствовал он себя немного паршиво. Должно быть, это влияние предыдущих двух миров.

Вдруг заговорил младший Б: [Господин Сян, фаворит тоже может стать мудрым сановником, прославленным фаворитом].

Сян Хань: [Ты пытаешься воспользоваться моей безграмотностью? Разве он не должен стать прославленным мудрым министром?]

Младший Б: [...] Обманывать становилось все труднее и труднее.

Чжао Цзэ растревожил его, и Сян Хань теперь не мог заснуть, поэтому он встал, чтобы разобраться с прошениями. Через какое-то время он снова почувствовал сонливость.

На следующий день в зале аудиенций к Сян Ханю подошел Ло Бай с вопросом о посадке сельскохозяйственных культур.

Ло Бай предлагал сначала засеять небольшой участок земли на пробу и, если все пройдет успешно, то увеличить посевы. В конце концов, климат, почва и вода были другими, трудно сказать, приживутся ли семена и саженцы на их земле.

Но Сян Хань не мог ждать, приближался год стихийных бедствий, и нужно было ускорить события. Поэтому он прямо сказал Ло Баю:

— Мы вверяем тебе землю государства. Посади столько, сколько у тебя есть.

Несколько удивленный Ло Бай нерешительно сказал:

— Но знатные семьи...

— Не беспокойся о них, — отмахнулся Сян Хань.

Если бы это происходило во времена, когда он только что встал у власти, он бы, наверное, опасался знати. Но теперь, когда он обладал военной мощью и политической властью, ему не нужно было заботиться о мнении этих людей. Э-э, хотя половина военной мощи была в руках Чжао Цзэ.

Когда он вспомнил о Чжао Цзэ, он невольно испытал головную боль. Из-за вчерашних событий он теперь осознанно избегал его. А сегодня на утренней аудиенции он не осмелился позвать его на помощь для разбора прошений.

Заметив, что он помрачнел, Ло Бай поинтересовался:

— Его величество о чем-то переживает?

— Это не из-за Чжао Цзэ... ой.

— Господин Чжао?

— Ай... он полюбил кое-кого, кого не должен был, и вчера доверился нам, — случайно проболтался Сянь Хань и тут же попытался скрыть это.

— О, неудивительно, что господин Чжао еще не женился. Я слышал, что сегодня в резиденции Чжао устраивается пир в честь любования цветами, и господин Чжао ушел пораньше. Если в сердце кто-то, кого не одобряет семья, горя не миновать, — Ло Бай растерялся и озадачился. Какое это имеет значение для его величества?

Пир в честь любования цветами? Ушел пораньше? Разве это не предлог для сватовства?

Сян Хань непонятно почему рассердился и скрипнул зубами.

«Ну ты даешь, Чжао Цзэ, только вчера признался, а сегодня у него смотрины. Ты нас за дурочка держишь? А я тут еще переживаю».

<http://bllate.org/book/12631/1120569>